

Возможность прогноза социокультурной динамики России

Как я уже пытался показать в своем первом выступлении, в основе смены господствующих нравственных идеалов в стране лежит определенная логика. Ее важным элементом является существование нравственных идеалов в форме дуальных оппозиций, их переходящих друг в друга полюсов. Подобная дуальность — закономерность организации любой культуры. Такими амбивалентными дуальными оппозициями выступают соборный и авторитарный, вечевой и либеральный идеалы, умеренный и развитый утилитаризм. Сюда можно отнести и всегда поляризованные гибридные идеалы. Система этих идеалов не существует как некоторый абсолют, диктующий своим схематизмом ход истории. Она сложилась в силу определенных причин, факторов, которые могут меняться. Учет этих факторов в принципе может позволить не только прогнозировать возможную логику изменений по исторически сложившейся схеме, но и изменение самой этой схемы.

Дуальный механизм нравственности, как и культуры в целом, есть механизм осмысления явлений, механизм их нравственной оценки. Для обозначения быстрой, логически моментальной смены одной нравственной оценки на противоположную я использую термин инверсия. Полярная переоценка явлений или событий происходит в результате того, что первая оценка приводит к негативным последствиям, порождает у соответствующего субъекта (возможно, у миллионов людей) дискомфортное социально-психологическое состояние. Это вызывает эмоциональную реакцию, возможно массовую и резкую, которая и является движущей силой инверсии, оборачивания нравственного идеала. Например, некогда царь рассматривался как центр мира, логическая и психологическая "точка", обеспечивающая комфортное существование подданных, как высшая культурная, нравственная, религиозная ценность, воплощение правды. Однако в случае массового осознания неспособности царя сохранять сложившийся порядок это не исключало возможности переоценки его роли, признания в царе антихриста, главного помещика, чиновника, эксплуататора и т. д. , что означало мысленное превращение его из воплощения добра в воплощение зла. Такую же судьбу пережила и советская власть, превратившись из светлого царства добра и справедливости в нечто никому не нужное, средоточие зла. Это оборачивание происходит периодически, порождая смену направленности внутренней политики власти, которая пытается (возможно, недостаточно адекватно, но это уже другая проблема) сохранить порядок и обеспечить социальное воспроизводство. Соборная анархия первых месяцев советской власти сменилась умеренным авторитаризмом

военного коммунизма, а последний — промежуточной попыткой компромисса в форме стремления достичь согласия основных социальных сил общества. Банкротство этого курса породило инверсию перехода к крайнему авторитаризму и т. д.

При этом могут происходить изменения и в других значимых переменных: "господство натуральных отношений — господство товарно-денежных отношений", "господство центра — усиление влияния периферии, регионов", "господство города — усиление влияния деревни", "господство народной правды — надежда на мудрость ученых, начальства" и т. д. Смысл этого инверсионного оборачивания в том, что человек использует для осмысления, нравственной оценки противоположные полюса дуально организованного, накопленного культурного богатства, т. е. в инверсии заложена безграничная возможность манипулирования накопленным культурным потенциалом. Инверсии, охватывая все общество, порождают гигантские исторические циклы, обладающие значительной силой исторической инерции.

Однако исторические изменения происходят и через постоянные попытки человека выйти за рамки сложившейся культуры, сформировать новый результат, преодолевая противоположность полюсов дуальной оппозиции. При этом формируется новый результат, включающий потенциал каждого из полюсов, но превосходящий ограниченность каждого из них и обоих вместе. Этот выход за рамки исторически сложившейся культуры, системы отношений означает формирование новых элементов культуры, новых отношений и т. д., т. е. качественного развития человека, его деятельности. Я называю подобную логику медиационной. Если инверсия порождает циклы социокультурной динамики, циклы истории, то медиация обеспечивает прогрессивное развитие.

Сложность, которую следует преодолевать при прогнозировании, заключается в том, что движение от прошлого- к будущему формируется как общая результирующая инверсии и медиации. Понятно, что если результаты инверсии в определенных рамках прогнозировать относительно просто, то результаты медиации носят значительно менее определенный характер. Конкретный анализ массы исторических фактов, событий, тенденций и процессов, однако, способен снизить безграничную неопределенность исторического будущего. Прогнозирование макросоциокультурных тенденций возможно прежде всего в связи с тем, что в истории России инверсионные изменения устойчиво преобладают над медиационными. Результатом оценки этого устойчивого соотношения будет признание преобладания циклической формы социокультурной динамики над прогрессивной. Прогрессивные формы изменений оказываются оттесненными на задний план, но тем не менее медленно накапливаются в толще общества, изменяя и тип личности, нравственности, отношений, и образ, и стиль жизни, и занятия населения. Это не исключает, впрочем, того, что иногда прогресс "пытается" резко усилить свои

масштабы и значимость. Действуя позади, внутри циклов, прогрессивные формы изменений как бы постоянно накапливают потенциал для будущей попытки выйти на первый план в качестве определяющей формы изменений. Практически до сих пор, как показывает анализ исторического материала, это приводило к устойчивым модификациям инверсионных циклов, определенных устойчивых цепочек нравственных идеалов.

Я придерживаюсь точки зрения, что модифицированные инверсионные циклы образовали два полных периода истории России: первый — с начала государственности до гибели монархии; второй совпадает с господством большевизма и оканчивается вместе с крахом СССР в 1991 г. Затем начался третий период, динамика которого и является непосредственным предметом прогнозирования.

Прежде всего подлежит прогнозированию сам характер, нравственные основания этого очередного цикла истории. Опыт российской истории заставляет выдвинуть гипотезу, что третий цикл, возникший как инверсионное отрицание предшествующего советского цикла, есть ответ на антилиберализм, на массовое насилие, на далеко зашедшую попытку подчинить хозяйство натуральным отношениям, ответ на господство абстрактного интернационализма, нивелирующего специфику народов, этносов, на тоталитарную концентрацию власти в сакральном центре. Этот ответ может выразиться в господстве либерализма в обществе, включая ослабление по отношению к прошлому, стремления решать все проблемы массовым насилием, а также в росте этнического самосознания, нарастании локализма. Первый этап нового цикла подтверждает это предположение. В стране установилась либеральная власть, удалось избежать гражданской войны, возможной как результат прямого столкновения между господствующим либерализмом и вечевыми силами. Трагическое кровопролитное столкновение между ними в октябре 1993-го было локальным и может рассматриваться как прививка от гражданской войны, впрочем не безусловная. Анализ перехода к новому циклу, который был осуществлен мною до наступления соответствующих событий, позволил прогнозировать инверсионного типа попытку замены натуральных отношений на рыночные, активизацию этнических ценностей в разных формах, распад могучей империи, включая собственно Россию.

Основным содержанием инерции истории является прежде всего система ценностей, их нравственная основа, которую можно рассматривать лишь как исходный пункт движения цикла, как некоторую идеальную комфортную точку, открывающую возможность для определенных форм жизни, для определенных ответов на вызов истории. Но парадокс такого рода инверсионных переходов заключается в том, что они непосредственно создают не реальность общественных действий субъекта, но лишь нравственную, культурную, психологическую возможность, которую общество еще должно реализовать, — практически, функционально воплотить в жизнь. Опыт истории России показывает, что, в особенности в условиях зрелого

раскола при Петре I, каждый из появившихся в результате очередной инверсии господствующих идеалов выявлял свою неспособность стать основой формирования комфортного мира, функционирующего общества. Ограниченная функциональность господствующих нравственных идеалов, а потому и затяжной кризис "модернизации вдгонку", мучающий российское общество достаточно длительное историческое время, объясняются невозможностью в изменяющемся мире в значительных масштабах опираться на результаты инверсии, т. е. на давно сложившееся культурное богатство. Этот перекокс объясняется слабостью медиации, отставанием ее способности наращивать качественно новые массовые пласты культуры, адекватные нарастанию сложности проблем, масштабам вызова истории. Именно это приводило к последовательному банкротству каждый из господствующих идеалов, к очередной инверсии.

Из этого следует, что господство либеральных ценностей в третьем цикле не носит фатального характера. Нет гарантий его сохранения вопреки собственной ограниченности. Не следует забывать, что в истории России циклы приводили к отрицанию той нравственной основы, на которой они возникали. Вечное, соборное начало первого цикла нашло свое отрицание в либерализме реформ 1861 г., в либеральной власти, возникшей в феврале 1917 г. Соборная советская система, ставшая господствующей в октябре 1917 г., была отринута сталинским тоталитаризмом, а затем движением к либерализму на этапе перестройки. Либерализму, занявшему сегодня господствующее положение в стране, угрожают серьезные опасности, и он может преодолеть инерцию истории, собственную ограниченность лишь величайшим творческим напряжением, постоянной самокритикой, осознанием ограниченности своих возможностей в расколотом долиберальном обществе, гибельности для либерализма примитивных инверсионных решений. Результаты выборов 12 декабря 1993-го — грозное предупреждение российскому либерализму, всей стране, что исторический шанс реализации господства медиационного по своей природе нравственного либерального идеала может быть утерян.

Важнейшей проблемой прогноза является динамика третьего периода. Здесь следует попытаться оценить возможность очередной реализации исторически сложившегося модифицированного инверсионного цикла, вероятность отступления от этой модели в результате нарастания значимости медиации. Изучение российской истории показывает, что цикл, начинающийся с вихря локализма, на втором этапе переходит в господство умеренного авторитарного идеала. Нужно признать, что исторический опыт нового цикла заключается в том, что господствующий нравственный идеал не создал основы для эффективного функционирования общества. Массовое дискомфортное состояние чревато очередной инверсией. Отсюда высокая вероятность реализации инерции истории, т. е. перехода ко второму этапу, для которого специфично господство умеренного авторитарно-

го идеала. При этом, однако, следует учитывать, что такая возможность пока сочетается с господством либерализма, хотя и весьма абстрактного, не проработанного на всех уровнях общества. Практически это означает возможность сочетания либерализма и авторитаризма, возможность господства либерально-авторитарного идеала, опыта которого в России еще не было. Его господство, если он будет иметь место, может сочетаться с ориентацией на создание предпосылок для либерально-почвенного идеала (см. : *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 3. С. 161—163).

Все опасности, которые несет переход к авторитаризму, широко обсуждаются в печати. При этом часто упускается из виду важность не только того, что что-то абстрактно хорошо, а что-то плохо. Главный вопрос — что является возможным на базе исторически сложившегося массового опыта, каковы реальные возможности в определенные сроки этот опыт углубить, поднять на новый уровень, в частности стимулировать почвенные основы либерализма. Очевидно, существует и другая возможность: отхода власти от либерализма, утверждения авторитарно-либерального идеала, который можно рассматривать как ответ инверсионного типа на господство соборно-либерального идеала (там же. С. 5, 344—347). Авторитарно-либеральный идеал — нечто совсем иное, чем либерально-авторитарный. Если сердцевиной последнего является стремление утвердить либеральные ценности, образ жизни, используя нелиберальные средства, то авторитарно-либеральный идеал является в значительной степени попыткой массового авторитаризма вечевого типа использовать либеральные средства, т. е. науку, технику, для утверждения архаичных ценностей, возможно пронизанных в той или иной степени умеренным утилитаризмом (что усилилось в XX в.).

Важной задачей прогноза является выявление реальных сдвигов ментального характера в господствующей массовой культуре, произошедших в период господства советской системы и продолжающихся в последующие годы. Они в конечном итоге определяют реальное соотношение инверсии и медиации, возможность как отклонений от исторической инерции под давлением роста медиации, так и гуманизации, либерализации содержания самих переходов от одного этапа к последующему.

Есть основание предполагать, что главные изменения, имеющие определяющее значение для углубления прогноза, заключаются в усложнении в массовом сознании дуальной оппозиции: "вечевой-утилитарный идеал". Люди все больше следуют по пути, главным образом, умеренного и, отчасти, развитого утилитаризма, но одновременно, в особенности в условиях кризиса, при возрастании трудностей, продолжают, как и раньше, обращаться к вечевым формам коллективизма как источнику получения ресурсов от государства, колхозов, предприятий, спонсоров и т. д. Здесь становится все более явным возрастание значимости гибридного идеала, сочетающего архаичное иждивенчество с ростом индивидуализма, который в массе своей не

поднялся до активного творческого отношения к поиску новых, более эффективных форм труда, деятельности, требующих активного отношения к сложившимся отношениям. Но именно этому противостоит приверженность к сложившимся формам культурной практики как источнику благ. Способность людей жить, принимать решения в условиях расколотой дуальной оппозиции вечевого коллективизма и атомизированного индивидуализма представляет собой узловую проблему дальнейшей социокультурной динамики.

Важнейшей переменной, анализ которой необходим в дальнейшем прогнозировании, является столкновение между умеренным и развитым утилитаризмом. Значение последнего в том, что прогресс развитого утилитаризма является реальной основой для рыночных отношений. Однако этот идеал наиболее острым образом вступает в конфликт с массовой уравнительностью, с господствующими представлениями о справедливости, что может иметь трагические последствия для страны. Его можно проследить в деревне с конца прошлого века, он завершился коллективизацией, которую можно рассматривать как разгром малейших тенденций к развитому утилитаризму.

Одновременно этот идеал вступает в конфликт с традиционным прелюствием перед сложившимися отношениями людей, пытаясь подчинить отношения представлениям об эффективности. Так как в обществе слабы юридические традиции, процедуры замены одних отношений другими, эта деятельность достаточно часто выходит за рамки форм, нравственно приемлемых для общества, т. е. приобретает криминальный характер.

Важным предметом прогнозирования является возможность формирования идеологических форм нового синтеза, учитывающих имевшие место сдвиги в массовом сознании, соответствующий этому синтезу прогноз политической власти, а также приемлемую для этого синтеза меру допустимости рыночных отношений.

Особой задачей является прогноз всех этапов в рамках третьего цикла, а также прогноз, выходящий за его рамки. Для последнего прогноза важно дальнейшее углубление понимания места и роли советского цикла в истории России, рассмотрение его как результата исторического процесса и одновременно как предпосылки будущего.

Важнейшее значение имеет разработка методологии прогноза роста в рамках каждого этапа дискомфорта состояния критической массы групп, в частности важность специфических факторов этого процесса, например реальное значение изменений жизненного уровня. Не исключено, что в определенных рамках оно имеет меньше значения, чем, например, массовое представление о нарастающем хаосе. Переход дискомфорта состояния в очередную инверсию — узловой пункт прогноза.

В центре прогноза стоит проблема возможности выхода страны из промежуточного состояния между двумя цивилизациями, преодоление раскола полюсов дуальной оппозиции: "вечевой идеал—либе-

ральный идеал", возможность удержаться от сползания к архаике, включающей дезиндустриализацию, дезурбанизацию, сдвиг в народнохозяйственной структуре в сторону более простых и требующих менее квалифицированного труда отраслей, утрату интеллектуального потенциала, наиболее продвинутых производств, распад духовной элиты и т. д.

Прогноз не может не учитывать мировых тенденций, однако с учетом способности страны может реально их осваивать, превращать их в реальное содержание массового сознания и деятельности.